

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ИМЕННОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ СЕРБСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX В.

А. К. Смольская (Одесса)

Среди лингвистов-историков литературных языков достаточно устойчиво мнение, что при изучении книжно-литературной речи следует заниматься проблемами соотношения письменной и устной форм литературного языка, спецификой литературно-письменных стилей и их взаимодействием, т. е. вопросами функциональными, а не субстанциональными, материальными явлениями языка.

Исключение всегда делалось только для лексики. Однако словарный состав литературных языков в основном выступает в виде производных лексем, т. е. репрезентирует способы словообразования, а пополнение словаря в значительной степени зависит от моделей и формантов деривационной системы.

Не случайно, Вук Караджич, утверждая и описывая лексику сербского литературного языка нового времени, обращался и к ее словообразовательному анализу,¹ однако эта конструктивная позиция В. Караджича не всегда находила последователей среди языковедов XX в.

Между тем, эволюция словообразовательной системы может и должна рассматриваться не автономно, а в контексте истории литературно-книжной речи сербов, в контексте важнейших тенденций развития литературного языка, сложных процессов кодификации его норм.

Особо важны для сербистов работы по эволюции разных подсистем сербского литературного языка нового времени, прошедшего почти двухвековой путь развития, так как необходимость сопоставления литературного языка Вука Караджича с современным состоянием книжно-письменной речи на территории сербского и хорватского языкового массива была осознана лингвистами сравнительно недавно.² М. Стеванович в 1964 г. писал, что нужен «...обширнији и документованији приказ данашњег нашег књижевног језика према Вукову, који дугујемо... науци о језику, историји развитка нашег књижевног језика...».³

Появившиеся в последние 30 лет монографии, статьи ученых Новосадского лингвистического круга и, прежде всего, профессора Йована Ерковича⁴ по языку писателей послевуковского периода и их вкладу в эволюцию книжной речи многое решили в выявлении процессов утверждения на сербских (воеводинских) территориях экавской версии литератур-

ного языка, процессов влияния на книжную речь не только сельских говоров, но и языка урбанизированной среды.

Однако проблема развития словообразования и деривационных норм литературного языка сербов в указанный период пока осталась почти незатронутой.

Диахронное изучение словообразования в контексте истории литературного языка требует серьезного и осмотрительного отношения к выделению исторических периодов эволюции языка или синхронных срезов. Естественно, что необходимым хронологическим рубежом изучения деривационной системы сербского литературного языка нового времени является эпоха Вука Караджича, началом которой условно считается 1818 г., время первого издания Вукова словаря. К исходному синхронному срезу обычно относят весь XIX в., так как только во 2-ой половине этого периода реформа Вука Караджича была признана и лишь к концу XIX в. литературный язык нового времени приобрел необходимые черты стандартности или литературности, развил стили, получил определенную кодификацию грамматических и лексических норм.⁵

Вторым периодом развития деривационной и других систем сербской книжно-литературной речи нового времени является XX в., в котором тенденция демократизации, «олитературирования» народной речи, в том числе народных средств словообразования, продолжала действовать параллельно с интенсивно развивающейся тенденцией интеллектуализации книжной речи, с широким использованием заимствований из «мировых» языков.

Однако сербскохорватистами установлено, что синхронный срез XIX в. не был однороден в отношении развития книжной речи на сербских территориях. В трудах филологов Новосадского лингвистического круга вторая половина XIX в. характеризуется как время расширения диалектной базы, формирования экавской версии сербской книжной речи, причем понятие «экавская версия литературного языка» уже выходит за пределы только фонетико-интонационных различий. Кроме того, историки языка не раз подчеркивали, что для сербской и хорватской литературно-книжной речи нового времени своеобразной предтечей синхронного среза XX века в отношении тенденции интеллектуализации, расширения и изменения лексики была 2 половина XIX в., когда эти изменения зарождались и накапливались.⁶

Возникает вопрос, была ли 2 пол. XIX в. также временем, этапным и для деривационного развития, т. е. способствовал ли этот период изменениям в деривационной системе: новому взаимодействию словообразова-

тельных моделей и формантов — в связи с расширением диалектной базы книжной речи, появлению новых словообразовательных образцов в связи с обогащением лексики, в том числе пласта интернациональных и заимствованных слов.

В связи со сложностью объекта исследования — словообразование в диахроническом аспекте сербскохорватистами изучено еще недостаточно — для конкретного анализа избирается очень продуктивная словообразовательная макрокатегория — название лиц, с особым вниманием к феминизмам, так как еще Р. Бошкович⁷ указывал, что феминная деривация сербскохорватского и словенского регионов является одной из зон сохранения славянской архаики, в частности «ц»-суффиксов, чем предопределил интерес к системно-историческому изучению феминных словообразовательных моделей и формантов.⁸

При изучении динамики конкретных словообразовательных типов и формантов на протяжении XIX в. оказалось необходимым использовать две ступени анализа. Первая ступень дает представление о словообразовательном ареале определенного деривационного типа или форманта на материале тех лексикографических изданий XIX в., которые наиболее полно зафиксировали реформу Вука Караджича: словари В. Караджича 1818 и 1852 гг., «Основы» Д. Даничича, Словарь И. Броза и Ф. Ивековича.⁹ Вторая ступень характеризует те же словообразовательные типы и разновидности с использованием новых лексикографических данных, т. е. словарей XX в., на основе содержащихся в них ссылок на более ранние источники, особенно на источники второй половины XIX в.

Из большого числа феминных моционных словообразовательных типов (далее СТ) или архетипов с единым мотиватором, которым подчиняются словообразовательные модели (далее СМ) с разными структурными суффиксами женскости, выделены многомодельный СТ с мотиватором на *-ар*, многомодельный СТ с мотиватором на *-тељ*, а также гибридные СТ с иноязычным маскулиным мотиватором и формантов *-киња*.

Судьба указанных СТ показательна для изменений в именной словообразовательной системе сербского литературного языка 2-ой пол. XIX в.: позволяет затронуть актуальную в славянской компаративистике и сербскохорватистике проблему конкуренции суффиксов с генетически тождественными элементами «к» и «ц», говорить о том, когда и как экспансия «к»-формантов в качестве константы славянского словообразования затронула феминную деривацию книжной речи на сербских и хорватских языковых территориях.

В СТ «М на *-ар* + *fs*» использовались в XIX в. две модели: с суффикса-

ми *-иц-а* и *-к-а*. В лексикографических изданиях, ориентированных на реформу В. Караджича, дериваты модели на *-ар-иц-а* были употребительнее своих конкурентов, соотношение феминных номинаций на *-ар-иц-а* и *-ар-к-а* характеризуется статистикой 46:10, со значением «супруга» соответственно 20:12.

Поскольку сельскохозяйственные названия относятся к наиболее глубоким пластам народной номенклатуры профессий, самыми древними из феминных дериватов на *-ар-иц-а*, вероятно, можно считать названия пастушек, из которых в ВР лишь слово *говедарица* имеет конкурентный вариант *говедарка*, другие подобные номинации (ср. *гушчарица*, *козарица*, *овчарица*, *свињарица*) фиксировались только с суффиксом *-иц-а*.

Из десяти слов на *-ар-к-а*, представленных ВР, «Основами» Даничица и Б-И, шесть выступают как паралексы к дериватам на *-ар-иц-а*: ср. *говедарица* — *говедарка*, *довијарица* — *довијарка*, *кестенарица* — *кестенарка*, *куварица* — *куварка*, *кухарица* — *кухарка*, *чизмарица* — *чизмарка*. В. Караджич фиксирует эти паралексы без локальных и семантико-стилистических помет, подчеркивая, за исключением пары *довијарица* — *довијарка*, их полную семантическую идентичность.

Тенденция к фиксации феминной паралексии отмечается и в историческом АР, где феминативы на *-ар-к-а* обычно характеризуются в качестве вторичных по времени появления по отношению к однокоренным дериватам на *-ар-иц-а*: ср. *вратарица* и *вратарка*, *мобарица* и *мобарка*, *чуварица* и *чуварка* и под в АР.

Как показывают материалы словарей XX в., особенно РСАНУ, во 2-ой пол. XIX в. активизировалась модель «М на *-ар+к-а*», по образцу которой создавались феминимумы как от исконных, так и от иноязычных маскулинных мотиваторов. Ср. *апотеркарка*, *банкарка*, *гардеробарка*, *гарнизонарка*, *коледарка*, *лађарка*, *лекарка*, *магаџионарка*, *секретарка* и др., зафиксированные в РСАНУ со ссылками на тексты сербских авторов и сербские газеты 2-ой пол. XIX в., но не представленные в ВР, «Основах» Даничица, Б-И и АР.

Можно говорить о том, что расширение активности модели на *-ар-к-а* характеризуется пересечением временной и пространственной координат, так как относится ко 2-ой пол. в., с преимущественным использованием в текстах сербского региона. В произведениях хорватских писателей этого периода слова на *-ар-к-а* также отмечаются, но значительно реже, о чем свидетельствуют и данные ВР: *бољарка* (Лесковар), *помодарка* (Матош), *пекарка*, *крамарка* — в значении «супруга» (Шеноа).¹⁰

Диалектный критерий, представленный в монографии Б. Чорича¹¹,

показывает, что феминные образования на *-ар-иц-а* издавна были известны всем наречиям сербскохорватского языкового массива, тогда как модель «М на *-ар+к-а*» проявляла активность в основном в штокавских говорах Сербии и Славонии. Однако конкурирующие СМ не были полярно закреплены по регионам. Конкуренцию моделей можно считать внутрирегиональной, при разной частоте использования образца на *-ар-к-а*, ставшего во 2-й пол. XIX в. более активным в сербской письменной речи.

Своеобразную картину «диахронии в синхронии» представлял в XIX в. СТ с мотиватором на *-тель*, в составе которого действовали три феминных модели: с суффиксом *-ниц-а* (книжная, уходящая модель, не совпавшая с образцами народной речи), с суффиксом *-иц-а* и сформировавшаяся только в XIX в., новая модель — с суффиксом *-к-а* (локально маркированная, т. к. дериваты модели отмечены в основном в текстах сербских авторов).

Книжная модель «М на *-тель+ниц-а*» была характерна для ранней сербской письменности и сербского литературного языка XVIII — нач. XIX в., находившихся под церковнославянским и русским влиянием, однако в лексикографических материалах, ориентированных на реформу В. Караджича, феминативы на *-тель-ниц-а* уже не фиксировались. В данном случае разрыв с прежней книжной традицией проявился в смене деривационных образцов.

Поскольку в сербском литературном языке нового времени не сохранились и некоторые другие модели моционного феминного словопроизводства с суффиксом *-ниц-а*, напр., «М на $\theta + \text{ниц-а}$ », т. к. подобные образцы не были свойственны народной речи, этот факт следует интерпретировать с позиций известного в истории славянской феминной деривации закона формального соответствия суффиксов.

В эволюции способов феминной номинации славянские дериватологи выделяли этапы лексического (гетерогенного) отличия номинаций лиц м. и ж. пола (ср. брат — сестра), противопоставления номинаций разного пола путем родовых окончаний (ср. кум — кума), обозначения парных номинаций с помощью фонологически тождественных или близких суффиксов (ср. *гледалац* — *гледалица*, *наставник* — *наставница*), детерминация признака пола формантами, не отличающимися фонетической близостью (*богаташ* — *богаташица*)¹².

В феминной системе сербской (и хорватской) народной речи, очевидно, больше, чем в других славянских регионах, сохранилось древнее правило соотнесенности по форме аффикса феминных коррелятов с маскулиными мотиваторами, позволявшее, в частности, феминимумы на *-ниц-*

а только как параллели мотиваторам на *-ник* или в качестве асимметричных номинаций лиц ж. пола. Это правило в эпоху Вука Караджича было перенесено и в литературный язык сербского и хорватского регионов.

К закону формального соответствия аффиксов в парной номинации лиц имеют отношение факты, регистрировавшиеся югославистами, но не получившие необходимой интерпретации. По свидетельству AR, маскулинные номинации на *-тель* иногда расширялись за счет суффикса *-ник* (ср. *учительник*, *молительник* и под.). Представляется возможным объяснить пары *учительник* — *учительница*, *молительник* — *молительница*, *служительник* — *служительница*, *хранительник* — *хранительница* и под. с позиций тенденции к сохранению закона фонетического соответствия суффиксов в парных личных номинациях. Вероятно, указанная тенденция здесь исходила от книжной формы ж. рода на *-тель-ниц-а*, вызвавшей необычную, но необходимую с позиций названной словообразовательной закономерности форму м. рода на *-тель-ник*.

Основными конкурентами в СТ «М на *-тель+fs*» в XIX в. были модели с суффиксами *-иц-а* и *-к-а*, однако дериваты, созданные по данным образцам, как и маскулинные номинации на *-тель*, что было связано с их книжностью, отсутствием в диалектном континууме, почти не фиксировались в лексикографических изданиях, ориентированных на реформу В. Караджича. Так, модель «М на *-тель + иц-а*» в ВР, Б-И и «Основах» Даничица представлена только словами *пријатељица*, *управитељица*, *учитељица*. Если учесть всего 18 маскулинизмов на *-тель*, зафиксированных в «Основах» Даничица, то индекс их использования в феминном словопроизводстве равняется 6:1.

Как уже свидетельствовалось сербскохорватистами, в XIX в. формировались «ножницы» между функционированием личных номинаций на *-тель*, а также производных от них и фиксацией их в словарях В. Караджича и его последователей.¹³

Традиция формирования фемининумов на *-тель-иц-а* в этот период не прерывалась, хотя у них возникла конкуренция с новыми для сербской письменности производными на *-тель-к-а*, зафиксированными только в XIX в. Фемининумы, созданные по модели «М на *-тель + к-а*», появлялись у авторов восточного региона сербскохорватского языкового массива: ср. *васпитатељка* — Игнатович (РМС), *гледатељка* — Миличевич (РСАНУ), *родитељка* (ВР), *посетитељка* — Сремац (РМС), *учитељка* — Миличевич (Б-И) и др.

У хорватских авторов, по данным словарей XX в., слова на *-тель-к-а* использовались только эпизодически: ср. *хранитељка* — Харамбашич (РМС).

Помимо активизации феминных моделей с суффиксом *-к-а*, в XIX в. расширил свой словообразовательный ареал один из самых «молодых» суффиксов женскости *-кињ-а*.¹⁴

До реформы В. Караджича этот формант не имел устойчивых традиций использования в книжной речи. Словари XIX в. свидетельствуют о представленности форманта *-кињ-а* преимущественно в асимметричном феминном словопроизводстве, в семантической сфере *nomina regionalia* ориентированной на связь с местной, диалектной традицией, в семейно-бытовой (ср. *безроткиња*, *дојкиња*, *једнолеткиња*, *нахранкиња* и под.) и фольклорно-мифологической лексике, где данный суффикс создавал атрибутивные названия мифониманта вила: ср. *баждаркиња* (вила), *је-зеркиња*, *нагоркиња*, *планинкиња*, *поморкиња* и под.

Хотя *-кињ-а* входил в деривативную систему сербского литературного языка нового времени преимущественно как асимметричный формант, связанный с тематическими пластами народно-разговорной и фольклорной речи, он в качестве словообразовательного средства обладал рядом признаков, которые предопределили тенденцию закрепления и развития его функций в литературно-письменной речи конца XIX и XX в.в.

Во-первых, сформировавшись на основе суффиксов *-к-а* и *-ињ-а*, *-кињ-а*, в отличие от большинства асимметричных феминных формантов, не был стилистически маркированным, выступал в качестве нейтрального словообразовательного средства.

Во-вторых, суффикс *-кињ-а* не был избирателен по своей морфотактике: соединялся и с сонорными, и с шумными по исходу мотиваторами, т. е. мог появляться там, где использование других формантов было затруднительным.

В-третьих, этот суффикс был в основном моносемантичен, закрепился в литературном языке именно как феминный формант, предметные номинации с ним в словарях XIX в. единичны (ср. *бриткиња*, *дамаскиња*).

Благодаря указанным признакам формант *-кињ-а* уже во 2-ой пол. XIX в. укрепляется в коррелятивных моделях фемининумов, где осваивает новые заимствованные мотиваторы с исходом на шумный согласный, преимущественно на «т»: ср. *адвокаткиња* (Обрадович), *аристократкиња* (Лесковар), *демократкиња* (Новакович), *кандидаткиња* (Миличевич, Сремац, Шеноа) и др. слова указанной структуры, зафиксированные в словарях XX в. со ссылками на сербских (большинство примеров) и хорватских авторов.

Рассмотренный материал свидетельствует о динамике в системе феминной деривации на протяжении XIX в.

Если в период осуществления реформы Вука Караджича происходило олитературивание народных словообразовательных средств, закрепление в литературном языке такой закономерности народной речи, как обязательное суффиксное соответствие парных личных номинаций, что способствовало вытеснению книжных СТ довуковского периода: М на -тель + ниц-а, М на ѳ + ниц-а, то во 2-ой пол. XIX в., когда народная база сербской книжной речи значительно расширялась за счет языковых особенностей экавских территорий, а также шел процесс активной интеллектуализации лексики, в именной деривации активизировались феминные модели с «к»-суффиксом, ограничивающие в известной мере функциональность образцов на -иц-а.

Вопрос в том, что в период создания моделей с иноязычными основами на действия суффикса -иц-а оказала влияние языковая универсали, связанная со снижением продуктивности семантически перегруженных аффиксов, требует особого освещения.¹⁵

Эволюция феминной деривации во 2-ой пол. XIX и далее в XX в. показывает, что константа славянского именного словопроизводства — экспансия «к»-формантов — своеобразно проявляется и в сербском литературном языке нового времени.

Примечания

- ¹ Караџић Вук Стеф. Главна свршивања суштествителни и прилагателни имена у српском језику. // Сабрана дела Вука Караџића, т. VIII. — Београд, 1964.
- ² См. Милка Ивић. Једно поређење Вукова језика с нашим данашњим књижевним језиком. // Зборник за филологију и лингвистику, № 1. — Нови Сад, 1957.
- ³ Михајло Стевановић. Значај и потребе детаљног проучавања Вукова језика. // Вуков зборник. — Београд, 1966.
- ⁴ Јован Јерковић. Језик Јакова Игњатовића. — Нови Сад, 1972; Језик и писци. — Нови Сад: Матица српска, 1990 и др.
- ⁵ В истории книжно-письменной речи на сербских и хорватских территориях важен факт принятия сербскими и хорватскими деятелями культуры в 1850 г. Венского соглашения («Књижевни договор») об общем литературном языке, а также признание реформы В. Караджича во 2 пол. XIX в. Однако в этот же период в общем литературном сербскохорватском (хорваткосербском) языке на новоштокавской основе уже началось формирование национально-территориальных вариантов. Для выявления региональной словообразовательной вариативности в нашем материале используются тексты сербских и хорватских авторов XIX в., а также словари, изданные как в Сербии, так и в Хорватии.

- ⁶ Павле Ивић. Српски народ и његов језик. — Београд, 1971; Фекете Е. Допринос српских писаца стварању књижевног језика у другој половини XIX века. // Наш језик, 1984. — № 2-3.
- ⁷ Радосав Бошковић, Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници. — Београд: Библиотека «Јужнословенског филолога», 1936.
- ⁸ Ср. Божо Борић. Моциони суфикси у српскохрватском језику. — Београд, 1982.
- ⁹ Ђуро Даничић, Основе српског или хрватског језика. — Београд, 1874. Далее: «Основы» Даничића; Rječnik hrvatskoga jezika. Skupili i obradili Dr. F. Iveković i dr. Ivan Broz, I, II, u Zagrebu, 1901. Далее: Б-И; Rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika, Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, I-XXIII, 1880-1976. Далее AR: Караџић Вук Ст. Српски рјечник. У Београду 1898. Далее BP; Речник српскохрватског књижевног језика. Матица српска, Нови Сад, књ. 1-6, 1967-1976. Далее: РМС; Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1-14. САНУ, Београд, 1959-1989. Далее: РСАНУ.
- ¹⁰ Julije Benešić, Rječnik hrvatskoga književnoga jezika od preporoda do I. G. Kovačića, Zagreb, Globus, 1-10, 1985-1990. Издание словаря продолжается. Далее: BR.
- ¹¹ Божо Ђорић, Указанная работа, 75 и 112.
- ¹² См. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. — Москва, Наука, 1984; Варбот Ж. Ж., Древнерусское именное словообразование. — Москва: Наука, 1969 и др.
- ¹³ Дмитриев П. А., Сафронов Г. И., Вук Караджич и его реформа сербохорватского литературного языка. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. Цвијић О. О неким речима у преводу Новог Завета. // Јужнословенски филолог. — XXVI, 1-2. — 1963-1964.
- ¹⁴ AR слова типа дворкиња < дворити (AR II, 947), где суффикс -кињ-а выступает как полностью сформировавшийся и отделившийся от -ињ-а, фиксирует с XVI в.
- ¹⁵ См. Смольская А. К. Диахронные константы славянского именного словопроизводства и феминные суффиксы в сербскохорватском литературном языке. // Советское славяноведение, Москва, 1987, № 3.